

УДК 94(470)

DOI:

**О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПТА
«ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ / ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МИФ» В ИСТОРИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Черепанова Розалия Семёновна

Южно-Уральский государственный университет
(г. Челябинск, Россия)

Аннотация

В статье анализируется понятие «индивидуальный / персональный миф» и перспективы его применения в исторических исследованиях. Автор рассматривает условия и механизм формирования индивидуального (персонального) мифа, а также пути его идентификации.

Ключевые слова: индивидуальный миф; персональный миф; жизненный сценарий; архетип; нарратив

**SOME THOUGHTS ON EXPLOITATION THE CONCEPT OF "INDIVIDUAL/
PERSONAL MYTH" IN HISTORICAL RESEARCH**

Cherepanova Rosalia Semenovna

South Ural State University (Chelyabinsk, Russia)

Abstract

The article analyzes the concept of "individual / personal myth" and looks at the prospects of its application in historical research. The author considers the conditions and mechanism of individual myth formation, as well as ways of its identification.

Key words: individual myth; personal myth; life scenario; archetype; narrative

Введение

Из всех дисциплин, работающих с понятием «мифа», историческая наука делает это, пожалуй, с наибольшей сдержанностью. Причины такого отношения восходят, по-видимому, к устойчивой практике увязывать миф исключительно с первобытным мышлением и культурой. Как отмечал Е.М. Мелетинский: «Миф является средством концептуализации мира – того, что находится вокруг человека и в нем самом. В известной степени миф – продукт первобытного мышления. Его ментальность связана с коллективными представлениями (термин Дюркгейма), бессознательными и сознательными скорее, чем с личным опытом» [Мелетинский 2001: 24]. Хотя в современном мире продолжают существовать народы, находящиеся на архаической стадии развития, историческая наука, будучи обращенной к прошлому, склонна оставлять их на периферии своего внимания, уступая здесь место этнографии или антропологии. Кроме того, подчеркнуто сосредоточенная на «достоверности», «проверяемости» и «репрезентативности», историографическая традиция долгое время сопрягала миф с категориями «выдумки», фикции, чего-то не соотносимого с тем, «что было на самом деле» или что можно было бы назвать твердо верифицируемым «знанием».

Во второй половине XX в., когда, после серии известных «поворотов» (лингвистического, антропологического, нарративного и других) к историкам пришло осознание того, что прежде искомое ими «достоверное знание о прошлом» едва ли является достижимой целью, понятие «мифа», обогащенное философскими, социологическими, лингвистическими интерпретациями, вновь вернулось в их актуальный лексикон, подчас для противопоставления исторической традиции [См., напр.: Айзенштат 2017], подчас для выявления ее уязвимостей, в том числе в варианте «исторического/историографического мифа» [См., напр.: Конорев 2012]. Взятый с новыми опциями, концепт «миф» значительно обогатил исторические исследования последних десятилетий в области формирования наций и национализма, а также общественных движений в целом.

Отметим, однако, что на всех этапах своего взаимодействия с категорией мифического историческая наука исходила из понимания мифа как продукта коллективного взаимодействия. Вместе с тем, существует еще один разворот понятия – в виде мифа индивидуального (или персонального).

С концептом индивидуального (персонального) мифа работает прежде всего психология, к которой историки относятся с некоторым предупреждением и обращаются нечасто. Задачей данной статьи будет попытка познакомить историков с возможностями применения наработок психологов для анализа поведения, жизненных стратегий и выборов человека через операционные возможности понятия «индивидуальный миф».

Обзор литературы, методологии и практики работы с термином «индивидуальный / персональный миф»

Психологи определяют категорию «персональный миф» как «сложный комплекс представлений, переживаний, идей о себе, условий своего жизнеосуществления» [Некрасова 2011: 278].

К оценке внутреннего мира и жизненных стратегий человека в категориях мифологического психологию привела работа с (авто)биографическими нарративами. Анализируя рассказы людей, психологи пришли к заключению, что: «Индивидуальные мифы являются сконструированным ресурсом, который используется индивидами для интерпретации “прошлого”, и участвуют в осмыслении повседневной жизни в “настоящем” времени, включая выстраивание перспектив на “будущее”» [Робертс 2004: 7]. Речь идет, таким образом, о том, что мифологические схемы могут использоваться человеком не только для осмысления, но и для построения собственной жизни. Миф, полностью или в значительной степени претворяемый в человеческой жизни, Э. Берн называл сценарием [Берн 2018.]. Иными словами, некий интериоризированный миф кладется в основу поведения, оценок, выборов и решений человека, формируя его жизненный сценарий и структурируя, таким образом, реальность вокруг него [Золотухина-Аболина 2021]. Корректно анализировать эту реальность или рассказ об этой реальности, невозможно без учета лежащего в их основе персонального мифа и/или жизненного сценария. Обращение к «мифу» [См., напр.: Rineff 1990] или «сценарию» [См., напр.: См., напр.: Bohn & Berntsen 2014; Гришина 2011; Нуркова 2012; Нуркова 2000: 86] в данном случае – вопрос личного исследовательского выбора: желает ли ученый подчеркнуть суть явления (мифологическую) или сконцентрироваться на его функции («сценариеобразующей»). Автор данных строк в свое время использовал при анализе описываемого феномена (т.е. воплощения мифологических схем в

реальной биографии конкретного индивида) термин «сюжет», по отношению к которому, в свою очередь, «сценарий» выступал как вариативный частный случай [Черепанова 2015]. Так, очевидно, что и миф, и сюжет о Золушке могут быть воплощены в очень разных сценариях.

Итак, термин персональный / индивидуальный миф подразумевает ситуацию, при которой некие общие мифологические схемы/сюжеты/сценарии интериоризируются конкретным человеком настолько, что он мыслит и действует в реальности, как персонаж этой схемы. Причем речь в данном случае идет не о патологической организации личности, а о совершенно нормальной. Персональный миф вырастает из сложившегося у индивида образа самого себя, сопряженного с неким архетипическим персонажем или развернутым вокруг этого персонажа мифологическим рассказом. Очевидно, особенности человеческой психики таковы, что она плотно погружена в пространство культурного гипертекста и пронизана интертекстуальными связями. Сказки, считалки, услышанные в детстве, речь и сам язык, литературные, религиозные и идеологические тексты, рекламные слоганы, книга или фильм, произведшие сильное впечатление, страхи, желания, стыд и иные эмоции формируют в человеке выбор в пользу того или иного клишированного сюжета культуры, а внутри этого сюжета – в пользу того или иного схематического персонажа, с которым человек себя ассоциирует. В дальнейшем всю свою жизнь человек воспринимает, строит и осмысляет с точки зрения своего персонажа и своего сюжета, что является совершенно мифологическим по своей природе актом.

С этим феноменом столкнулись не только психологи, но и специалисты, занимающиеся устной историей. Несколько десятилетий им потребовалось, чтобы понять, что они записывают не «истории», а «персональные мифы», в которых реальность причудливо искажена и подстроена под определенный сюжет. Как отмечает Б. Робертс: «...каждый частный жизненный случай может быть понят только при условии рассмотрения его в рамках социального (публичного) нарратива. Индивидуальные мифы не могут существовать отдельно от мифов неформальных групп (например, семьи) или более формализованных (например, СМИ)». Б. Робертс ссылается здесь на позицию Группы народной памяти (Popular Memory Group, 1982), заявлявшей о социально конструируемой природе любых воспоминаний, которые представляют собой скорее «формы взаимоотношения между опытом прошлого и условиями настоящего, чем свидетельство о прошлых событиях» [Робертс 2004: 12].

Существуя в рамках определенного мифосценария (обозначим этим гибридным термином миф, положенный в основу жизненного сценария), человек склонен не замечать те факты, которые в его мифосценарий не укладываются, и, напротив, придавать преувеличенное значение тем событиям, которые его ожиданиям отвечают. Например, человек с персональным мифом «Золушки» обязательно найдет в своем окружении человека на роль «Феи-крестной», и в целом представит видение своей жизни (в том числе исторических событий) в оптимистическом ключе. Напротив, трудно будет ожидать оптимизма и одобрительных оценок любой современности от человека, живущего в персональном мифе «Утерянного Рая».

Как правило, принятие персонального мифа и построение жизненного сценария завершается в юности, но, под давлением обстоятельств, сценарий может корректироваться на протяжении жизни (например, миф о Спящей Красавице, ждущей своего принца, может в итоге оказаться мифом о Рахили, которая своего

счастья ждала слишком долго, и оказалось оно в итоге горьким и слишком коротким, а принца пришлось делить с другой).

Остается пока открытым вопрос о том, как глубоко в прошлое уходит феномен персонального мифа и под влиянием каких обстоятельств он формируется. Можно предположить, что этот феномен связан с наличием определенной литературной эрудиции и с навыками саморефлексии, в том числе письменной. В этом смысле, персональный миф не мог стать массовым явлением ранее Нового времени. Мода на ведение дневников и мемуаров, постоянное написание автобиографических текстов, даже в виде протокольных «характеристик» и «автобиографий», демократизация системы образования, широкое распространение привычки к чтению, а затем и влияние кинематографа окончательно сформировали «персональный миф» как исторический, психологический и культурный феномен.

В моей собственной практике устного историка среди биографических нарративов встречались вариации мифов о Золушке, об Эдипе, о Герое, о Жертвенном Агнце, о Трикстере, о Принце/принцессе, превращенном в Чудовище, о Жене Декабриста, об Изгнании из Рая и др., но встречались и не полностью развернутые сценарии, оставленные на уровне предварительной идентификации себя с определенным архетипом, или на уровне единичных ситуативных сравнений («и я тогда, как Золушка, работала»), что могло означать либо незавершенную пока человеком внутреннюю работу, либо, напротив, крайне высокий уровень этой работы, когда в результате саморефлексии человек ослабил давление на себя тех или иных клише (работала, как Золушка, но на бал не попала, или не была замечена принцем, или сама не выбрала принца, и вообще подружилась с мачехой, которая высоко оценила ее доброту и работу, и т.д.). Однако, даже в случае неполного развертывания сценария, предзаданный архетипический персонаж из рассказа респондента идентифицируется слушателем через общие с рассказчиком интертекстуальные связи; тем самым задается вектор оценок и смыслов как в отношении самого рассказчика, так и его окружения. Этот же механизм работает и в отношении письменных текстов. Считав идентификацию автора с архетипом Героя/Борца, мы можем предполагать рядом фигуру Верного Друга, Чистой Возлюбленной, Предателя, Жестокого Врага и так далее. Можно вспомнить «Былое и Думы» А.И. Герцена, чтобы увидеть, как работает это перенесение сценария на реальность. Все элементы, не соответствующие сценарию (не самые красивые поступки Героя, не всегда жестокий Враг, не всегда верная Возлюбленная, обиженный и не всегда близкий Верный Друг) Герцен старательно затирал и переписывал, и это не было ложью с его стороны – это было искренним проживанием своего мифосценария. Герцен действительно так видел свою жизнь и жизнь близких ему людей.

В идентификации сценариев я опиралась на работы В. Проппа и О. Фрейденберг, обращавшихся к общим культурным универсалиям. Попытки создать обобщенный круг сюжетов мировой культуры, предпринимавшиеся разными исследователями, также могут быть использованы для типизации жизненных сценариев (и стоящих за ними персональных мифов) [Polti 1921]. Поскольку биографические рассказы имеют нарративную природу, к ним может быть применена и своеобразная классификация Х. Уайта, делящая все возможные нарративы о прошлом на четыре стилистических, эмоциональных, ценностно-мировоззренческих кластера: трагедию, комедию, роман и драму [Уайт 2002]. В

каждом кластере присутствует собственная историческая логика, отбрасывающая факты, которые в нее не укладываются. Эту систему, с четырьмя кластерами, использовал в своих работах, например, К. Мюррей [Murray 1989], а также, по мере сил, и автор этих строк [Черепанова 2015]. Интересную, хотя в практическом применении, пожалуй, слишком сложную классификацию предложила психолог и философ Е. Сапогова, которая ранжировала жизненные сценарии по мотивации и модальности, по той или иной экзистенциальной логике, стилистике, по семантическим осям, а внутри сценария выделила сложные структурные части – разных типов биографемы, автографемы, мифологемы, стратегемы (модусы) и т.д. [Сапогова 2017].

В вопросе о способах распознавания, «прочтения» того или иного мифосценария можно последовать советам Е. Сапоговой – обращать внимание на детали, мелочи, оговорки, проговорки, красноречивые умолчания, на темп и второстепенные детали повествования, на особенности речи, и т.д. Быть восприимчивым именно к этим вещам для корректного прочтения любого нарратива – в том числе самой человеческой жизни как нарратива, если следовать известному выражению Дж Брунера [Bruner 1987] – рекомендовали в свое время Ф. Анкерсмит, К. Гинзбург, Ю. Лотман, Р. Барт, В. Нуркова, и многие другие исследователи.

Заключение

Что же получает историк, включивший в свое исследование категорию индивидуального / персонального мифа?

Прежде всего, установление персонального мифа, в котором существовал тот или иной человек, позволяет при анализе предоставляемой им информации делать важную поправку на изначально заложенные искажения, предполагать, какие «слепые зоны» были в его видении мира, а какие моменты он, напротив, гипертрофировал. Эта проблема остро высветилась в последнее время для устной истории [См., напр.: Черепанова 2013], но, думается, что при работе с мемуарами, дневниками или иными документами личного происхождения подобные задачи не менее актуальны.

Во-вторых, знание персонального мифа, в котором существовал человек, имеет немалое значение для понимания смыслов и мотиваций его поступков и решений.

Историческая наука не должна забывать, что ее предметом является не просто прошлое, а человек прошлого, и в этом смысле работа с понятием персонального мифа в исторических исследованиях может быть весьма продуктивной.

По-видимому, миф выступает не только как «форма коллективного мышления» и «способ социального моделирования, формирующего модели реальности, объединяющего людей прошлым и будущим» [Ставицкий 2019], но также и как форма индивидуального мышления, как способ индивидуального биографического моделирования.

Литература

Айзенитат М.П., Бобкова М.С., Мереминский С.Г., Сидоров А.И. История и миф: кто кого? // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 133–137.

Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. Москва: Эксмо, 2018. 576 с.

Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования: электрон. науч. журн. Т.3. 2011. №17. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/0421100116/0029> (дата обращения: 10.01.2018)

Золотухина-Аболина Е.В. Личность как миф и мифы личности // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. Электронный журнал. 2021. Т. 7 (1–2). С. 34–42. [Электронный ресурс]. URL: 5-Zolotuhina.pdf (sfedu.ru). (дата обращения: 24.07.23).

Конорев С. В. Исторический миф в современном российском обществе: происхождение и социокультурная роль // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. Москва: ИВИ РАН, 2012. С. 325–333.

Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. Москва: РГГУ, 2001. 168 с.

Некрасова Е.В. Персональный миф как предмет психологического исследования // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). С. 277–279.

Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования: электрон. науч. журн. Т. 5. 2012. № 25. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.01.2018).

Нуркова В.В. Свершённое продолжается. Психология автобиографической памяти личности. Москва: Издательство Университета РАО, 2000. 320 с.

Пропп В.Я. Морфология сказки. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с.

Робертс Б. Конструирование индивидуальных мифов // ИНТЕР. 2004. № 2–3. С. 7–15. URL:

https://ic.pics.livejournal.com/dymontiger/54234047/118679293/118679293_original.jpg

Сапогова Е.Е. Лабиринты автобиографии. Экзистенциально-нарративный анализ личных историй. Санкт-Петербург: «Алетейя», 2017. 360 с.

Сериков А.Е. Типичные сюжетные схемы в повествованиях и в жизни // Вестник Самарской гум. Академии. Серия «Философия. Филология». 2009. № 2(6). С. 60–84.

Ставицкий А.В. Человек мифический: о роли мифа и неизбежном мифотворчестве людей // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. 584 с.

Черепанова Р.С. «Обычный наблюдатель»: XX век в воспоминаниях провинциальной интеллигенции. Опыт чтения и интерпретации текстов устной истории. Челябинск: «Каменный пояс», 2015. 402 с.

Черепанова Р.С. О некоторых проблемах и приемах работы с текстами устной истории // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 1. С. 80–85.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Подготовка текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие Н.В. Брагинской. М.: Издательство “Лабиринт”, 1997. 448 с.

Bruner J. Life as Narrative. *Social Research*. 1987. №54 (1). Pp. 11–32

Bohn A. & Berntsen D. Cultural life scripts and the development of personal memories. In: *The Wiley handbook on the development of children's memory* / Eds. Bauer P.J. & Fivush R. Wiley: Wiley-Blackwell, 2014. Pp. 626–644.

Murray K. The Construction on Identity in the Narratives of Romance and Comedy. In: John Shotter and Kenneth J. Gergen (eds.) *Texts of Identity*. London: Sage, 1989. P. 176–205.

Penneff J. Myths in Life Stories. In: R. Samuel and P. Thompson (eds.). *The Myths We Live By*. London: Routledge, 1990. Pp. 49–60.

Polti G. *The Thirty-six Dramatic Situations*. Franklin, Ohio: James Knapp Reeve, 1921. 182 p.

Reference

Aizenshtat M.P., Bobkova M.S., Mereminskij S.G., Sidorov A.I. History and Myth: Who will over Whom? // *Lokus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2017. № 4. Pp. 133–137. (In Russian).

Bern E. Games that People Play: The Psychology of Human Relationships; People who Play Games: The Psychology of Human Destiny. Moscow: Exmo Publ., 2018. 576 p. (In Russian).

Grishina N.C. Life Scenarios: Normativity and Individualization // *Psychological Research: Electronic Scientific Journal*. V.3. 2011. №17. [Electronic Resource]. URL: <http://psystudy.ru/0421100116/0029> (Date of Reference: 10.01.2018). (In Russian).

Zolotuhina-Abolina E.V. Personality as Myth and Myths of Personality // *The South Pole. Studies in the History of Modern Western Philosophy. Electronic Journal* 2021. V. 7 (1–2). P. 34–42. [Electronic Resource]. URL: 5-Zolotuhina.pdf (sfedu.ru). (Date of Reference: 24.07.23). (In Russian).

Konorev S.V. Historical Myth in the Modern Russian Society: Origin and Socio-cultural Role // *Crises of Critical Epochs in Historical Memory*. Moscow: IVI RAN Publ., 2012. Pp. 325–333. (In Russian).

Meletinsky E.M. *From Myth to Literature*. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 2001. 168 p. (In Russian).

Nekrasova E.V. Personal Myth as a Subject of Psychological Research // *The World of Science, Culture, Education*. 2011. № 6 (31). Pp. 277–279. (In Russian).

Nurkova V.V., Dnestrovskaya M.V., Mihailova K.S. Cultural Life Scenario as a Dynamic Semantic Structure of (Re)Organization of Individual Life Experience // *Psychological Research: Electronic Scientific Journal*. Vol. 5. 2012. № 25. [Electronic Resource]. URL: <http://psystudy.ru>. (Date of Reference: 10.01.2018). (In Russian).

Nurkova V.V. *The Accomplished Continues. Psychology of Autobiographical Memory of a Person*. Moscow: University of RAO Publ., 2000. 320 p. (In Russian).

Propp V. Ia. *Morphology of the Fairy Tale*. Moscow: Main Editorial Office of Oriental Literature of "Nauka" Publ. 1969. 168 p. (In Russian).

Roberts B. Construction of Individual Myths // INTER. 2004. № 2–3. Pp. 7–15. (In Russian).

Sapogova E.E. The Labyrinths of Autobiography. Existential-Narrative Analysis of Personal Stories. St.–Petersburg: Aleteia Publ., 2017. 360 p. (In Russian).

Serikov A.E. Typical Plot Patterns in Narratives and in Life // Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Series "Philosophy. Philology". 2009. № 2(6). Pp. 60–84. (In Russian).

Stavitsky A.V. The Mythical Man: on the Role of Myth and the Inevitable Myth-Making of People // Myth in History, Politics, Culture [Electronic Resource]: Proceedings of the III International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2019, Sevastopol) / Edited by O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitsky, V.V. Napaev, S.V. Urchenko. Lomonosov Moscow State University Branch in the City of Sevastopol Publ., 2019. 584 p. (In Russian).

Cherepanova R.S. "The Ordinary Observer": The Twentieth Century in the Memories of Provincial Intellectuals. Experience of Reading and Interpreting Oral History Texts. Chelyabinsk: Stone Belt Publ., 2015. 402 p. (In Russian).

Cherepanova R.S. On Some Problems and Techniques of Working With Oral History Texts // Bulletin of South Ural State University. Series "Social and Humanitarian Sciences". 2013. Vol. 13. № 1. Pp. 80–85. (In Russian).

White H. Meta-history: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2002. 528 p. (In Russian).

Freidenberg O.M. Poetics of Plot and Genre. Preparation of the Text, Reference and Scientific Apparatus, Foreword, Afterword by N.V. Braginskaya. Moscow: Labyrinth Publ., 1997. 448 p. (In Russian).

Bruner J. Life as Narrative. Social Research. 1987. №54 (1). P. 11–32.

Bohn A. & Berntsen D. Cultural life scripts and the development of personal memories. In: The Wiley handbook on the development of children's memory / Eds. Bauer P.J. & Fivush R. Wiley: Wiley-Blackwell, 2014. P. 626–644.

Murray K. The Construction on Identity in the Narratives of Romance and Comedy. In: John Shotter and Kenneth J. Gergen (eds.) *Texts of Identity*. London: Sage, 1989. P. 176–205.

Penef J. Myths in Life Stories. In: R. Samuel and P. Thompson (eds.). *The Myths We Live By*. London: Routledge, 1990. P.49–60.

Polti G. The Thirty-six Dramatic Situations. Franklin, Ohio: James Knapp Reeve, 1921. 182 p.

Сведения об авторе:

Черепанова Розалия Семёновна

доцент кафедры «Отечественная и зарубежная история» ФГАОУ ВО "ЮУрГУ (НИУ)", Южно-Уральский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия).

E-mail: rozache@mail.ru

Bionotes:

Cherepanova Rosalia Semenovna

Associate Professor of the Department of Domestic and Foreign History, South Ural State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chelyabinsk, Russia).

Для цитирования:

Черепанова Р.С. О возможностях использования концепта «индивидуальный / персональный миф» в исторических исследованиях // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1(5). 2023. С. 147–155.

For citation:

Cherepanova R.S. On the Possibilities of Using the Concept "Individual / Personal Myth" in Historical Studies // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1(5). 2023. Pp. 147–155.